

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Тише воды, ниже травы

«Научная книга»

Серова М. С.

Тише воды, ниже травы / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Умирает, наглотавшись таблеток, молодая девушка Дина Черемисина. Типичное самоубийство – к такому выводу приходят медики и милиция. И только подруга Дины Лера не верит в это, и по ее просьбе в расследование включается частный детектив Татьяна Иванова. Зайдя в тупик из-за полного отсутствия подозреваемых и попросив, как обычно, помощи у милиционера Андрея Мельникова, Татьяна невольно вникает в проблемы своего знакомого. Тот безуспешно бьется над расследованием ограблений, совершенных некоей роковой брюнеткой. Парадокс, но два разных преступления складываются в одну леденящую душу историю...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Тише воды, ниже травы

ГЛАВА 1

Визит очередной клиентки показался мне делом будничным, обычным. Конечно, я привыкла уже к своей работе и сейчас ловила себя на том, что слушаю посетительницу вполуха, словно догадываюсь о том, что она скажет в следующий момент. Я уже научилась отделять главное от второстепенного. А те, кто приходит ко мне и просит о расследовании, очень, очень много говорят лишнего. И понять их можно. Но начинающий детектив слушал бы все подряд, я же, пользуясь, что называется, внутренним маркером, отмечала детали, могущие оказаться особенно полезными.

– Понимаете, да не могла она, просто не могла так поступить! – эмоционально восклицала крепенькая лет двадцать пяти блондинка с острым носиком. – Я знаю Дину очень давно. Она, конечно, странная, но чтобы так вот... Нет, вот, например, в шестом классе, у нас тогда уроки отменили, ну и знаете, как бывает...

Очередная ретроспектива свалилась на меня как снежная лавина. И все это происходило под никотиновым прессом, которым меня окутала клиентка. Она курила, не переставая, вот уже полчаса, тягая из пачки одну сигарету за другой. И даже я, дама курящая, уже с трудом переносила эту атмосферу. А Лера, именно так звали женщину, которая пришла ко мне с уверениями, что ее подруга Дина не могла сама отравиться, а ее непременно убили, словно нарочно, хотела мне досадить. Наконец посетительница покончила с рассказом о школьном детстве и вернулась к настоящему времени. Правда, рассказ ее так и не стал более информативным.

– Дина была странной, да. Всегда так говорили, все, кто ее знал. У нее мама такая тоже... чудная. Ну и что! Динка – она всегда хотела жить, этого у нее нельзя было отнять ни в коем случае. Она жила, как могла, как умела. Немногие понимали ее, многие говорили – да как же так можно, некоторые вообще крутили пальцем у виска... Но вы понимаете, это все ерунда, когда речь идет о жизни и смерти, все чудачества оказываются именно чудачествами. Сколько я видела клиентов на своем веку! Я ведь риэлтерской фирмой заведу!.. Иной и выпендривается, и рожу строит, и крутым себя изображает, а потом как увидит реальность, что вот эта «двушка» – и все, на большее он претендовать не может, сразу начинается обратный ход. Он и лапонька, он и паинька... Так что Динка не могла этого сделать, вы уж поверьте мне! А у меня с ней старая дружба, с детства. Я хоть и не очень богатая, – Лера вздохнула, – но заплатить за вашу работу могу. Потому что просто не верю! Поэтому вы уж, пожалуйста, займитесь этим делом. Давайте, я вам расскажу все, что знаю.

– Да, кстати, а что вы знаете? – вступила я. – Когда ее обнаружили мертвой? Кто именно обнаружил? Каковы результаты вскрытия?

Лера слегка замешкалась. Она даже немного растерялась. Видимо, потому, что почувствовала – сейчас от голой эмоциональности и воспоминаний о шестом классе средней школы она должна перейти к сухой конкретике.

– Ну... обнаружили ее мертвой, – запнулась слегка риэлтер Валерия Павлова, как она официально мне представилась, – короче говоря, в прошлый вторник. Живет она одна, значит... То есть жила. И она звонила в «Скорую», понимаете?! Она не хотела умирать!

– Дина звонила в «Скорую»? – уточнила я.

– Да. Но она уже поздно позвонила. «Скорая» приехала, а она уже умерла, – ответила Лера. – Теперь вы понимаете, что она не сама покончила с собой?

– Пока не понимаю.

– Зачем бы тогда она стала звонить в «Скорую», если хотела добровольно отправиться на тот свет? – горячо возразила Лера.

Ну, этот довод меня не совсем убеждал. Психология многих самоубийц такова, что сначала они решаются на свой отчаянный шаг, а потом, когда, как говорится, запахнет уж совсем жареным, ужасаются и всеми ногами, руками и остальными частями тела цепляются за жизнь. Естественно, первым позывом бывает набрать две заветных цифры «03» на телефоне, вверив свою почти уже решенную судьбу в руки врачей.

– И что за причину смерти поставили в заключении врачи? – спросила я.

– Смерть наступила от отравления, так они потом сказали. Да! Но главное не в этом, Татьяна! – воскликнула Лера. – Главное в том, что вскрытие показало еще и то, что она была беременна!

Последние слова были произнесены с выброшенным вверх указательным пальцем и с таким архимедовским восторгом, что «эврика» можно было бы и не добавлять.

– Да, действительно, факт интересный, – вслух отметила я. – А известно ли, от кого?

Валерия взяла паузу на раскуривание очередной сигареты. Я не выдержала, встала и открыла окно.

– Был у нее один, – торопливо заговорила она, глотая дым. – Витей его зовут. Ох, не нравился он мне. Он ее и довел до всего этого. Или скорее всего сам отравил.

Последнее утверждение было воспринято мной скептически. Ну кто так делает? Каким бы ни был этот Витя, проще отправить женщину на аборт или в конце концов вообще послать ее подальше, если его отношения с ней не зарегистрированы.

– В общем, вам надо встретиться с этим Витей и расколоть его. Вот, в сущности, в этом и есть ваша задача.

Валерия говорила с такой убежденностью, будто она являлась профессором кафедры криминалистики, а я получала сейчас от нее практическое задание.

– Я вам адрес сейчас скажу, – и риэлтерша полезла в блокнот. – Ага, пожалуйста...

Я тут же записала данные к себе в блокнот и спросила:

– Ну, а врачи что говорят? Может быть, предположения какие-нибудь звучали...

– А что они? – махнула рукой Лера. – Они так это... Им все равно. Говорили, что, мол, девчонка отравилась, дело обычное. Вернее, не то чтобы совсем обычное, но, мол, травятся достаточно часто, только не всегда до смерти. Вот этот случай – смертельный, потому что средство было выбрано, что называется, удачно.

– То есть неудачно?

– Ну да, – согласилась тут же Валерия. – Так ведь тут как раз и проблема!

– Почему?

– А потому что Динка не разбиралась в лекарствах! Значит, ей кто-то это средство посоветовал. Витька наверняка и посоветовал.

– А она такая дура, ваша подруга: когда решила отравиться, у Вити стала совета спрашивать, чем лучше это сделать, каким лекарством? – не выдержала и съехидничала я.

Валерия немного осеклась, потом затушила сигарету в пепельнице, развела руками вокруг себя дым и покачала головой:

– Ну, зачем вы так? Хотя... А кстати, она могла. Могла! – неожиданно снова оживилась она. – Я же говорила – чудная она. Правда, я не знаю детали всякие... что и как там было.

– Да, вы правы, это моя работа, – поддержала я клиентку. – Ну, а вы часто общались с Диной?

– Довольно часто, – быстро ответила Валерия и только потом задумалась. – Ну, может, в последнее время не слишком часто... Просто потому, что фирма у меня, дела. А она все по тусовкам моталась разным... Нет, я совсем не против тусовок, нет! – неожиданно прижала она руки к груди, как будто я бросила какое-то ей обвинение в лицо. – Я девушка веселая, люблю

компании... Но дело не в этом. Просто у Дины уж как-то все без меры было. То без удержу веселится, а то вдруг сядет у окна и сидит, не разговаривает, вялая вся такая...

«Маниакально-депрессивный психоз, похоже», – вздохнула я, поставив предварительный психиатрический диагноз погибшей подружке клиентки, неизвестной мне Дине.

– Она работала где-то? – спросила я, прервав Валерию, которая снова углубилась в воспоминания и бросилась рассказывать теперь о выпускном вечере, в течение которого Дина вела себя как классический бирюк.

– Да... То есть нет, – снова быстро ответила Лера и снова тут же опровергла свой ответ. – Работала она... в кукольном театре, распространителем билетов. Это что, работа, что ли, по-вашему? – скептически воззрилась она на меня. – Тысяча с небольшим у нее выходила, да и то не всегда.

– И что, на жизнь ей хватало?

Лера задумалась, вытащив очередную сигарету. Затем пожала плечами и медленно протянула:

– Как вам сказать? С одной стороны, ей не больно много было надо. Она питалась всегда как птичка. Я порой удивлялась, что она вообще ест? Когда я приходила к ней, холодильник вечно пуст был. Если не принесешь чего с собой, придется пустой чай пить, без сахара даже. А одевалась она хоть и не роскошно, но и не сказать, чтобы плохо. Я даже спрашивала ее иногда – где это ты, Динка, такой прикид себе отхватила? А она мне – почаще нужно в секонд-хэнд ходить! Прикид, правда, бывал не шикарный, – тут же оговорилась Лера, – но в своей неформальной тусовке она должна была выглядеть очень модно. Я как-то видела у нее одну девушку, так она вся замызганная была, в свитерке и джинсах потертых.

– А дорогие, то есть действительно дорогие вещи у Дины были?

– Нет, – подумав, ответила Лера.

– Ну, так может быть, – продолжала я развивать свою мысль, – это все и явилось причиной, по которой она решила покончить с собой?

– То есть? – не поняла Лера, недоуменно уставившись на меня.

– Нет, конечно, не из-за того, что она не в состоянии была покупать дорогие вещи. Но посудите сами: она беременна от некоего Вити, а он, по вашему мнению, скорее всего о ребенке и слышать не хотел. Перспективы у Дины вырисовывались невеселые – как одной, с мизерной зарплатой поднимать ребенка?

– Но она могла сделать аборт! – перебила меня Лера.

– Конечно, могла, – согласилась я. – А, кстати, вы не знаете, почему она его не сделала?

– Да я вообще не знала, что она беременна! – почти что закричала Лера. – Динка – она же скрытная такая! Но я уверена, что она просто не успела этого сделать. Не успела, потому что ее убили!

– Что, убил Витя из-за того, что она забеременела? – скептически произнесла я, вздохнув.

– Не знаю я, – раздраженно отвернулась Валерия, почувствовав, как рушится логика ее рассуждений. – Знаю только, что не могла она с собой покончить. И вся эта ситуация с беременностью – не причина, чтобы вот так накладывать на себя руки.

В принципе если здраво рассуждать, то Валерия была права. Ситуация у покойной ныне Дины Черемисиной была банальной: ну, залетела девчонка, с кем не бывает. Но проблема-то исправима. Даже обладая столь невысоким окладом, деньги на операцию можно было бы найти. Версию о смерти из-за позора беременности я вообще не рассматривала ввиду полной ее смехотворности. К тому же, учитывая неформальный менталитет Дины и ее окружения – совсем не вяжется. Да и возраст – двадцать пять лет. Было бы ей шестнадцать – возраст, когда у девчонок одна глупость в голове, – еще как-то можно было зацепиться. А тут...

Упорная настойчивость Леры меня немного смущала. Почему она так твердо стоит на своем? Может быть, просто дело в сильно негативном ее отношении к некоему Вите? Но если

даже она так желает насолить Вите, нужно иметь очень вескую причину для этого – ведь Лере предстояло довольно сильно потратиться. Может, она и хочет засадить того Витю за решетку, но ведь деньги могут оказаться потраченными впустую – если в конце концов выяснится, что парень не при делах. Нет скорее всего Лера хорошо знала Дину как человека, составила о ней прямо-таки железобетонное мнение и потому не хотела ни на йоту отступить от него. Такая дружеская преданность в наше время встречается редко.

Словно почувствовав, о чем я думаю, Валерия снова заговорила о Вите:

– И когда он узнал обо всем, то повел себя очень странно. Я после этого и начала его всерьез подозревать. Сами подумайте – что это такое? Он узнал, что Дина умерла, да еще будучи беременной, и даже не сделал вид, что сильно этим расстроен! На кладбище явился с такой физиономией, словно его туда силком приволокли. Отстоял, сколько положено, у могилы и ушел восвояси. Даже на поминки не поехал.

– А кто он, этот Витя?

– Да журналист какой-то, – презрительно скривилась Лера. – О культуре писал. Вот в театре с ней и познакомился. Он, между прочим, женат был.

– Ну и что? – удивилась я.

– А то, что от нормального мужика женщина просто так не уйдет! А раз бросила, значит, было за что, – все с той же категоричностью заявила Лера.

– А вы знаете его жену?

– Да, знаю, совсем чуть-чуть. Мы случайно познакомились. Но Витька должен, наверное, знать, где она живет.

– Да я пока и не интересуюсь, где она живет, – слегка усмехнулась я. – И вообще не уверена, понадобится ли мне это.

– Напрасно! – назидательно подняла палец вверх Павлова. – Уж она вам наверняка про бывшего мужа сможет все очень подробно рассказать.

«Мало кто из бывших супругов может предоставить о своей половине объективную информацию, – скептически подумала я. – Гораздо более полезной будет личная встреча с этим журналистом Виктором». А попытки учить меня сыскному делу, со стороны Валерии, вызывали у меня пока что даже не раздражение, а просто улыбку. Наверное, она заметила это, несколько смутилась и нервно спросила:

– Ну так что, вы беретесь за это дело? У меня все при себе, – она показала на сумочку. – Аванс ведь положен, я так понимаю.

– А откуда вы вообще узнали о моем существовании? – неожиданно спросила я.

Лера растерянно заморгала ресницами.

– Ну... А что, разве вы скрываете, чем занимаетесь? – неуверенно спросила она.

– Да вовсе нет, иначе мне было бы сложно обзаводиться клиентами, – усмехнулась я. – Просто любопытно. Так откуда?

– Да мне просто человек один рассказал, он к нам в фирму обращался, чтобы квартиру отыскать. Ну, и пока мы с ним по адресам ездили – много о чем болтали, вот он про вас и упомянул. Я тогда и не думала, что мне эта информация может пригодиться. Просто подивилась: надо же, частный детектив в нашем городе, к тому же женщина, да еще молодая... А потом, когда Динка умерла, я про того человека вспомнила, отыскала номер его телефона и позвонила ему, а уж он мне ваши координаты сообщил. Похвалил еще вас за профессионализм, – решила польстить мне Валерия и снова вопросительно посмотрела на меня.

Я уже решила, что возьмусь за это дело. Посетительница же русским языком заверяет, что заплатит. Ну, а раз заплатит – что волноваться? Работы тут всего ничего – просто убедиться, что подруга клиентки действительно покончила с собой. Потом представлю Валерии Павловой доказательства этого, получу оставшийся гонорар, и на этом мы с ней разойдемся. Не знаю, как она, а я скорее всего – вполне удовлетворенной. Так что к чему отказываться? Дело не

представлялось мне особенно сложным и затяжным, я рассчитывала управиться с ним дня за два. А может, и вообще за один завтрашний день.

– Так вы возьметесь? – повторила свой вопрос Валерия, видимо, уже решившая, что я намерена отказаться.

– Да, возьмусь, – ответила я, и Лера срочно полезла в свою сумочку.

Я остановила ее жестом.

– Я хочу вас предупредить сразу: если вы рассчитываете, что я стану искать доказательства вины Виктора, то вы неверно себе представляете специфику моей работы. Я буду искать истинную причину смерти вашей подруги. И вполне может оказаться, что имело место самоубийство и Виктор здесь ни при чем.

Лера нервно пожала плечами.

– Да, конечно... Я просто хочу во всем разобраться.

– Насчет денег пока подождите. Давайте встретимся с вами послезавтра. Возможно, у меня уже будет результат, тогда и расплатитесь. А если расследование затянется, то тогда заплатите аванс, и я продолжу работу.

Валерия послушно закивала в такт моим словам.

– Да, имейте в виду, что я беру деньги на текущие расходы.

– И сколько это? – растерянно спросила Павлова.

– Об этом я вам тоже скажу послезавтра. Но думаю, что речь не пойдет о сколько-нибудь серьезных суммах. Поэтому я и не беру с вас деньги заранее.

Валерия вздохнула и, намереваясь обкурить меня еще раз, напоследок, потянулась за очередной сигаретой, но я решительно заявила, вставая со своего места:

– Что ж, тогда не станем терять время. Давайте распрощаемся с вами на этом, и я приступлю к работе.

Лера убрала сигареты и поспешила в прихожую. Как только дверь за ней захлопнулась, я открыла настежь окна в комнате и пошла на кухню варить кофе.

* * *

Начало расследования не отличалось особой оригинальностью. Предстояло выполнить ряд формальностей, связанных с официальными организациями, так или иначе причастными к факту смерти человека. Одним словом, предстояло связаться с милицией и станцией «Скорой помощи».

Я позвонила по известному мне телефону и спросила Андрея Мельникова. Вскоре знакомый голос ответил мне, и я тут же представилась. Мельников прежде всего выразил удивление моим звонком:

– По-моему, ничего такого страшного за последнюю неделю в городе не случилось, что могло бы подключить тебя к делу. За исключением того, что я уже два месяца как принимаю сигналы от мужиков, жалующихся на некую клофелинщицу. Или ты просто так звонишь?

Я никогда не звонила ему просто так, и Мельников прекрасно об этом помнил. Видимо, к делу о смерти Дины Черемисиной в милиции не относились серьезно, считая его не заслуживающим вдумчивых следственных усилий. И действительно – Мельников удивился еще сильнее, когда узнал, что я беспокою его по поводу отравления какой-то девушки, он даже растерялся, поскольку не знал, о чем я веду речь.

– Черемисина? А кто это такая? Я что-то не помню...

Я подробно изложила ему то, что стало известно мне самой со слов Леры.

– А-а-а... – протянул Мельников, и по его тону я поняла, что мои слова ни о чем ему так и не сказали.

– А какой район-то? – уточнил он.

– Кировский.

Мельников пару раз неопределенно промышчал в трубку, а потом буркнул «подожди». Ждать пришлось около минуты, и наконец Мельников снова возник на противоположном конце провода.

– Ну да, – откашлявшись, проговорил он. – Есть такая... Но там же явное самоубийство! Чего вдруг ты-то беспокоишься? Ездили наши оперативники туда. Но там – обычная история: девчонка траванулась, потом перепугалась, «Скорую» вызвала, да поздно уже...

– А ваши проверяли хоть что-нибудь?

– А как же! – обиженно ответил Мельников. – Только чего проверять-то? Ну, соседей опросили, и те ничего похожего на криминал не указали. Родители тоже. Да, она беременна была, та девушка, как потом выяснилось. Два месяца...

– Это я знаю, – отмахнулась я, отметив, однако, в голове срок беременности Дины. – А что врачи говорят? Со «Скорой» и ваши эксперты?

– Сейчас, подожди... – Мельников, видимо, полез в папку с материалами дела.

– Вот, значит, – вновь вскоре послышался в трубке его голос. – Эксперт засвидетельствовал смерть от отравления... Сейчас, подожди – сосредоточусь и прочитаю, – вздохнув, по слогам прочитал Мельников сложное слово названия лекарства. – Вот, тут дальше объясняется, что препарат этот гормональный, его астматикам назначают. Сперва надо его таблетки на частички делить – я уж не буду тебе все дозы перечислять, ладно? – а потом прием доводится до нескольких таблеток в день. Но если вот так, ни с того ни с сего таблеток пятнадцать хлопбыстнуть, то смерть практически гарантирована. А эта Черемисина как раз примерно столько и приняла.

– Так, а достать его трудно, это лекарство? – поинтересовалась я.

– Да нет, в любой аптеке продается, – сказал Андрей. – Ну вот, а врачи со «Скорой» ничего интересного не сообщили, только то, что поступил к ним звонок, и все.

– А что сказала сама погибшая?

– Сама погибшая ничего не сказала, потому что погибла, – хмыкнул в трубку Андрей, чем порядком разозлил меня.

– Что она сказала перед тем, как погибнуть? – с нажимом уточнила я. – То есть как звучала формулировка ее просьбы врачам?

– Этого я не знаю. Ну, знаешь, ты такие вопросы задаешь... И уж таким правильным русским языком ты заговорила, что я даже теряюсь, что и сказать в ответ, – озадаченно произнес Мельников, и я была уверена, что при этом он почесал себе лоб. – Обратись в «Скорую», если тебя это так интересует. А что, заплатить, что ли, крупно обещали, если ты там криминал откопаешь?

– Заплатить обещали, как обычно. Причем за расследование, а не за откапывание криминала, – холодно поправила своего милицейского друга я. – Ладно, пойду отрабатывать собственные методы, но, возможно, еще обращусь к тебе. Если мне материалы понадобятся, рассчитывать можно?

– Да, конечно, – зевнул Мельников. – Только там ничего интересного. Скулы сведет со скуки.

– Ничего, в ожидании гонорара скука обычно рассеивается, – решила я подразнить приятеля и повесила трубку.

Что ж, придется отыскать врачей, принявших вызов Черемисиной. Надо пообщаться и с ними, и затем с соседями девушки, а также с женихом – или уж кем он Дине приходится, тот Витя – и с родителями... И если все они убедят меня, что ничего подозрительного в смерти Дины не было, значит, так оно и есть. Думаю, что уже завтра я смогу уведомить об этом Валерию Павлову, мою новую клиентку.

Впрочем, есть и еще один барометр для определения правильности выбранного мной курса мыслей и действий. Это – гадальные кости. Вот с ними-то как раз и пора мне пообщаться. Даже в первую очередь надо было, а я что-то отвлеклась. Думая об этом, я достала черный замшевый мешочек и высыпала три двенадцатигранника на столик, на котором стоял телефонный аппарат. Комбинация выпала следующая:

4+21+25 – «Позор и бесчестье падут на Ваш дом, если Вы не сумеете критично оценить положение вещей».

Оба-на! Вот это «косточки» мои сказанули! Давно не было таких движений наотмашь с их стороны. Надо же – не как-нибудь, а прямо – «позор и бесчестье»! Ладно, завернули они так наверняка просто для того, чтобы я обратила внимание на предостережение, не более того. Ну что ж, во внимание примем, будем более осмотрительны и критичны. Или «косточки» хотели сказать – самокритичны?

И все-таки расследование я начну, как и намечала – с разговора с врачами «Скорой помощи». Только анализировать все данные нужно будет очень и очень тщательно. Проблема заключалась в том, что я не знала, куда мне обращаться, где искать этих самых врачей. Поэтому, быстро прикинув в уме варианты их поиска, я набрала ноль-три. Девушка, готовая принять вызов, была озадачена моим первым вопросом. И пока она удивленно молчала, не успев отключиться, я быстро и четко проговорила, что занимаюсь расследованием смерти девушки, совершившей звонок в «Скорую» двадцать третьего марта.

– Фамилия, адрес, – проникнувшись наконец моей проблемой, спросила диспетчер.

Я назвала фамилию и адрес Дины Черемисиной.

– Да, был такой вызов, – подтвердили мне на том конце провода. – Дина Владимировна Черемисина, двадцать три года, улица Краевая. Что еще вам нужно узнать?

– Кто из врачей принял вызов и как можно с ними встретиться... – с готовностью выдала я свой главный к диспетчеру вопрос.

И через некоторое время девушка сообщила, что бригада, выезжавшая по вызову на Краевую, заступит на смену сегодня в восемнадцать ноль-ноль.

Ну, и славно! Значит, сегодня вечером будет чем заняться. А пока нужная мне бригада еще не вышла на работу, можно наведаться на Краевую и самой поговорить с соседями Дины Черемисиной. Облачившись в тонкий темно-голубой свитер и длинную юбку, я надела пальто, собрала волосы в хвост и двинулась к выходу.

Конец марта в нынешнем году выдался холодным и практически ничем не отличался от февраля. Разве что он был еще более сырым, и я сейчас пожалела, что обула легкие ботинки. Да и в демисезонном пальто было холодновато. Видно, рано я в этом году обрадовалась весне... Но возвращаться и переодеваться совсем не хотелось, и я, утешая себя тем, что большую часть времени мне придется проводить либо в машине, либо в квартире, быстренько вывела свою «девятку» из гаража и отправилась на улицу Краевую.

Нужный мне дом шестнадцать я отыскала почти сразу, хотя внешне он был самым обычным, мало чем отличавшимся от множества других, точно таких же домов – типичная панельная пятиэтажка. Просто число «шестнадцать» было густо, хотя и кривовато, намалевано на его стенах черной краской аж в трех местах – видимо, местная детвора постаралась. Завернув во двор, я увидела перед домом большую спортивную площадку, на которой эта самая детвора гоняла в хоккей. Вместе с ними развлекался и взрослый – высокий мужчина, одетый в дорогую спортивную куртку фирмы «Найк». В руках у него также была клюшка, и он с не меньшим азартом, чем мальчишки, бегал по ледяному полю. Каток на этой площадке почему-то не был залит, и ребята-игроки бегали по ней не в коньках, а просто в ботинках. Мужчина, кстати, тоже.

«Надо же, как сильны у взрослых ребяческие инстинкты», – усмехнулась я про себя, выходя из машины и включая сигнализацию. Квартира Дины Черемисиной находилась, по

моим подсчетам, на третьем этаже, куда я и направилась. Только позвонила, естественно, не в ее опечатанное жилище, а в соседнюю дверь. Вскоре послышался традиционный вопрос:

– Кто там?

– Простите, вы были понятыми в деле о смерти вашей соседки? – как можно вежливее, поинтересовалась я.

Дверь приоткрылась, и я увидела худошавую женщину лет сорока пяти, одетую в домашний халат.

– Да, мы с мужем были, – чуть испуганно подтвердила она, оглядывая меня. – А что... Что еще нужно?

– Мне просто нужно поговорить с вами о Дине, выяснить ряд деталей, – деловым тоном поведала я, и дверь открылась шире.

– Проходите, – пригласила женщина. – Только мужа сейчас нет. Или он вам не нужен?

– Может быть, мы и без него обойдемся, – разуваясь, ответила я и прошла в комнату.

Кресел в этом доме не было, и мы с женщиной, которая представилась как Ольга Тимофеевна, расположились на диване. Она смотрела на меня вопросительно, с готовностью во взгляде, и я начала с того, что попросила вспомнить подробности того злополучного дня, когда Дины не стало.

– Да ничего особенного в тот день не было, – заговорила женщина, поминутно поправляя жиденькие волосы. – Мы даже и не слышали ничего, не знали, дома ли Дина вообще. Тихо у нее было. Потом уже шаги на лестнице услышали и голоса громкие – это «Скорая» приехала. Они звонили-звонили, но им никто не открыл, и они позвонили к нам. А мы... что мы могли сделать? У нас ключей от ее квартиры нет, мы так врачам сразу и сказали. Они плечами пожали и говорят – делать нечего, придется дверь ломать. Я сначала вообще-то против была... ну, чтобы дверь-то ломать, а потом, как в квартиру зашли...

Женщина замолчала, покачав головой, и нахмурилась. Видно, перед ее глазами встала увиденная двадцать третьего марта картина.

– Ольга Тимофеевна, – поторопила я ее. – Расскажите, пожалуйста, что же вы увидели?

– Она лежала на полу, Дина то есть, – тихо продолжала женщина. – Между коридором и комнатой, на боку. Мы в комнату и пройти-то не могли, на лестнице стояли, пока милиция на приехала, а потом уже в кухню нас провели.

– А саму комнату вы видели? Как она выглядела? Может быть, что-то указывало на то, что там кто-то был перед смертью Дины?

Эти вопросы, ответы на которые я могла получить из материалов дела, я задавала на тот случай, если оперативники сработали халтурно, не став тщательно фиксировать обстановку.

– Да нет, – растерялась соседка. – Как обычно, все было... Потом милиция там все осмотрела, все записала... Да я и не обращала внимания, чего там где лежит.

– Но вы бы заметили, скажем, если бы на столе оставались следы обеда или чаепития нескольких человек?

– Да, конечно, – кивнула Ольга Тимофеевна. – Но я не заметила, ничего такого там не было. Чашка одна там стояла. Да и таблетки эти... Ну, которых она наглоталась. И все. Чисто, пусто... У нее вообще обстановка небогатая. Брать нечего, если вы об этом, – красноречиво посмотрела она на меня.

Я вообще-то говорила не совсем об этом. Кстати, если бы у Дины и имелось «что брать», то есть что-то ценное, то Ольге Тимофеевне вряд ли было об этом известно. Я со слов Леры, клиентки своей, знала: Дина была девушкой скрытной, мало общавшейся с соседями.

– Значит, ничего подозрительного вы не заметили... – уточнила я, и Ольга Тимофеевна согласно кивнула.

– Хорошо, тогда постарайтесь, пожалуйста, охарактеризовать мне вашу соседку. Как она жила, кто к ней приходил... Вы же должны были это знать, хотя бы поверхностно?

– В общем-то, она тихо жила, – подумав, пожала плечами женщина. – С соседями только «здрасьте» да «до свидания», и все. У меня дочка, считай, ей ровесница, так они и не дружили совсем. Скромная она была, незаметная. Добрая, можно сказать. Только... Чересчур уж мягкотелая.

– Это в каком смысле? – заинтересовалась я.

– Не умела она жить твердо. Все вечно ей на шею садились да погоняли, а она улыбалась только.

– Это кто же «все»?

– Ну, не все, – оговорила Ольга Тимофеевна. – Только, сами знаете, возле таких людей, безотказных да тихих, всегда шушера всякая вьется. Вот и к Дине стали захаживать... подружки. Не подходили они ей совсем, я же видела. Какие-то грязные, шумные, наглые... Придут, накурят, поедят-выпьют все, галдят на балконе... Шум от них был вечно. Один раз я не выдержала, позвонила в дверь, а мне одна... такая... открыла. Я Дину спросила, а она и говорит: нету ее, на работе. Выходит, она их к себе пускала, даже когда на работу уходила! А они и рады...

«Видимо, речь идет о персонажах с тусовки неформалов, которую посещала Дина, – отметила я про себя. – Значит, они бывали здесь и в отсутствие хозяйки... Да, с этой компанией тоже предстоит встретиться, прежде чем „списывать дело в архив“.»

– А еще кто-то ходил к ней?

– Подружка у нее была давнишняя, Лера. Ну, та приличная девушка, серьезная. Они, еще когда с Диной в школе учились, вместе сюда приходили, пока бабушка Динина жива была. И выросли вот – не раздружились. Хорошая девушка, ничего плохого сказать не могу. Ну, и Виктор, конечно, приходил.

– Виктор – это ее парень, да?

– Ну да, – согласилась Ольга Тимофеевна. – Мне он тоже нравился, вежливый всегда, культурный. Я у Дины спрашивала еще – пожениться, мол, собираетесь?

– А она что? – поинтересовалась я.

– Улыбается да молчит, – всплеснула руками Ольга Тимофеевна. – У ней часто так бывало: спросишь о чем-нибудь, а она только улыбается в ответ да молчит. И не поймешь, о чем думает, чего улыбается... Странненькая она была немного.

Я нахмурилась. Может быть, Дина была не просто «странненькая», а с конкретным медицинским диагнозом, чем и объясняется ее самоубийство? Может, стоит в первую очередь поехать по психоневрологическим диспансерам да больницам – благо их немного в городе, – чем опрашивать друзей-подруг погибшей?

Ольга Тимофеевна посмотрела на мое лицо и, видимо, решив, что ляпнула лишнее, торопливо заговорила, прижимая руки к груди:

– Нет-нет, вы не подумайте, что она ненормальная была или что-то там еще... Она и училась хорошо, и сроду никогда родители ее по врачам не таскали – нужды не было. А что тихая да скромная – так это ж хорошо! Просто в наше время мы отвыкли от такого, вот и кажется уже, что это странно, когда человек тихий и спокойный, вот и удивляемся, если девушка такая скромная... Нет-нет, она никакая не сумасшедшая, вы не подумайте. Безотказная да, слабовольная... ну, со странностями небольшими своими. Так у кого их нет?

Я не стала пока углубляться в размышления по поводу, отдают ли «странности» Дины аномалией, и продолжила разговор с Ольгой Тимофеевной.

– Скажите, пожалуйста, а в последнее время вам не показалось, что она стала... ну, еще более странной? Может быть, что-то в ее поведении вас насторожило?

Ольга Тимофеевна задумалась.

– Она вроде бы улыбаться чаще стала – вот так, без причины, – наконец сказала она. – И живее стала, по лестнице прямо летала туда-сюда. Раньше более вялая была... А может,

ерунда все это, просто весна наступила, вот и настроение поднялось, а? – и Ольга Тимофеевна вопросительно посмотрела на меня, словно я могла сейчас с легкостью объяснить поведение Дины Черемисиной, с которой даже не была знакома.

– А с кем больше всего она общалась в последнее время? Кто чаще всех приходил?

Ольга Тимофеевна вновь задумалась.

– Да дело в том, что вроде почти никто и не приходил, – ответила она. – И Витька стал реже появляться, да и эти... которые грязные тоже. Вот только как-то открываю я дверь, а они стоят на площадке, и Дина как раз из квартиры выходит. Она им торопливо так говорит: я, мол, убегаю, заходите сами. Сунула им ключи и помчалась вниз. Я еще потом ругала ее, говорю – зачем в дом кого попало пускаешь? Что это за подружки у тебя такие завелись? А она мне – да ладно вам, тетя Оль, они хорошие девочки... Девочки! Здоровые лошади, а шлятся без дела. На балконе только торчат с сигаретами да музыку слушают. Я уж хотела с родителями ее поговорить, да вот...

Ольга Тимофеевна вздохнула и развела руками, словно хотела сказать «да вот не успела».

– А что за родители у Дины, не подскажете? Вы давно их знаете?

– Давно, а как же! Наташа-то, она здесь выросла. Почти ровесницы мы с ней. И дочери у нас получились почти одного возраста. Замуж она вышла и уехала отсюда к мужу жить. А Ксения Петровна – бабушка, значит – одна осталась. Потом Дина часто у нее жила, а как бабушка умерла, так совсем здесь поселилась. А Наташа с Колей приходят регулярно, навещают Дину.

– Наташа с Колей – это ее родители?

– Ну да, – кивнула женщина. – Люди они порядочные, Коля в какой-то фирме работает, вроде бы даже на высокой должности, а Наташа – где-то в институте. Что делает, я не знаю, это вы лучше у нее спросите, если нужно.

Спрошу, обязательно спрошу. Встреча с родителями Дины мне необходима, тем более что я испытывала сейчас уже знакомое ощущение: как только Ольга Тимофеевна заговорила о родителях Дины, так сразу словно какая-то заноза вонзилась в мой мозг, давя на него, как будто пытаюсь дать понять – что-то тут не то. Только мне сразу не удалось поймать эту мысль, мол, что-то не то, «за хвост». А ведь была какая-то неувязка, прозвучала какая-то нелепица, что-то неправдоподобное услышала я от соседки Дины, но никак не могла сообразить, что именно. И сейчас, я знала по собственному опыту, бесполезно в памяти копать. Вот пройдет совсем чуть-чуть времени, я отвлекусь, а потом подумаю над этим разговором – и озарение обязательно вспыхнет. Так уже не раз бывало со мной, и всегда по одной и той же схеме. А пока я продолжала слушать Ольгу Тимофеевну.

– У них еще сын есть, на год Дины помладше, – продолжала она тем временем. – Но у него уже семья своя давно, двое детей растут. Они с родителями живут, с Наташей и Колей.

– Вот как? – удивилась я. – А что же не здесь? Здесь же отдельная квартира все-таки, а жила одна Дина.

– Да, да, – согласилась Ольга Тимофеевна. – Только Наташа говорила как-то, что они сами не хотят. Здесь же однокомнатная, им все равно тесно, с двумя-то детьми. А у Наташи с Колей все-таки трехкомнатная, вот они там, в двух комнатах и обитают.

Должно быть, лучше всего мне встретиться со всем семейством Черемисиных, познакомиться и с семьей младшего брата Дины. Почему-то я была уверена, что хоть и тесноватой он считал однокомнатную квартиру для своей семьи, но вряд ли был доволен и тем, что жить приходится с родителями. Но я тут же одернула себя – делать подобные выводы, не встретившись с самим объектом, было непозволительно рано. И вообще пора было прощаться с Ольгой Тимофеевной и переключаться на других персонажей. Только я собралась это сделать, как Ольга Тимофеевна, взглянув на часы, вдруг спохватилась:

– Ой, простите, ради бога! Мне же в поликлинику, а я сижу. Вы уж извините... И так, кажется, уже опоздала.

– Конечно, конечно, – тут же встала я. – Кстати, если вы опаздываете, я могу вас подвезти. Ольга Тимофеевна немного растерянно посмотрела на меня, потом неуверенно кивнула:
– Ну, если вам не трудно...

Она быстро собралась, и мы спустились во двор. Детвора уже закончила гонять в хоккей и теперь занималась тем, что, забравшись на крышу какой-то небольшой пристройки к дому, увлеченно сбивала с нее наросшие толстые сосульки. С удивлением я обнаружила среди ребят и того самого, хорошо одетого мужчину, что час назад играл с ними в хоккей. Теперь я смогла рассмотреть его лицо и заметила, что оно у него какое-то по-детски наивное и восторженное. Он радостно кричал вместе с мальчишками, валялся в снегу и был определенно счастлив. Когда мы с Ольгой Тимофеевной садились в машину, я спросила:

– А что это за странный мужчина играет с детьми? Он что, дурачок?

Ольга Тимофеевна, помолчав, грустно покачала головой и ответила:

– Да, на первый взгляд может показаться, что он дурачок. Но это не совсем так. Он... сам ребенок. Нормальный ребенок.

– Как это? – не поняв, удивилась я.

– Он рос совершенно обычным и здоровым мальчиком. И вот в десятилетнем возрасте заболел менингитом, – тихо принялась объяснять женщина. – Сами знаете, какое это страшное заболевание, многие не выживают... Но он выжил. Родители у него обеспеченные, они ему каких только лекарств не покупали, по каким врачам не водили, но... Это не помогло. Мозг его перестал развиваться, остановился на том уровне, на каком и был. Сам он рос, вырос, а ум оставался прежним. И вот теперь он такой – взрослый внешне, а по сути десятилетний мальчишка. Он постоянно играет с детьми, естественно, нигде не работает и не учится. Инвалид, что ж сделаешь.

– Ну и ну, – озадаченно откликнулась я. – И что же, он живет с родителями?

– Да, – подтвердила женщина. – Одного же его не оставишь надолго! Они о нем заботятся, все ему покупают, только... – Ольга Тимофеевна замялась, и я ждала, пока она продолжит. – Они словно бы стыдятся его, – наконец выговорила она, – того, что у них такой сын получился. Они, мне кажется, просто терпят его. Обеспечивают, правда, «от» и «до», но это, я думаю, чтобы хоть как-то сгладить свою нелюбовь к нему. Они бы и отказались от него, если бы не боялись, что люди скажут, что люди их осудят.

Ольга Тимофеевна взгляделась в лобовое стекло.

– Вот, тут моя поликлиника, – указала она на четырехэтажное здание, видневшееся невдалеке. – Спасибо, что подвезли меня, а то своим ходом я добиралась бы сюда полчаса.

– Не за что, – отозвалась я, притормаживая около поликлиники.

– До свиданья, – попрощалась соседка Дины, вылезла из машины и медленно пошла ко входу в поликлинику.

На этом можно было считать первый этап моего расследования законченным. Посмотрев на часы, я поняла, что график моих действий динамичен и настраивает на деловой лад. Через двадцать минут, то есть практически без простоя, мне уже нужно быть в диспетчерской «Скорой помощи».

* * *

Стоя в бесконечных пробках в центре города, я имела возможность слегка поразмышлять. Озарение что-то никак не находило на меня, и я решила сама разобраться, что же в словах Ольги Тимофеевны показалось мне подозрительным. Я еще и еще раз прокручивала в голове разговор с ней. И так, вялая и странноватенькая Дина в последнее время летала вверх и вниз по лестнице как на крыльях. Ну, это могло быть связано со многими вещами – например, отношения с Виктором вошли в романтический период, или же просто «навалился» мания-

кально-депрессивный психоз, если девушка была все же больна. А может, она просто торопилась куда-то, а Ольга Тимофеевна сделала далеко идущие выводы.

Правда, с романтикой отношений с Виктором как-то не складывается. Ведь Ольга Тимофеевна оговорила, что он в этот период как раз куда-то пропал и почти не приходил. Ну ладно, разберемся. Еще о чем говорила соседка? О неблагополучном окружении. Что ж, с девочками-неформалками я так и так встречу. Здесь пока ничего подозрительного не наблюдается, наоборот, их поведение как раз соответствует традициям данной социальной группы.

Потом заговорили о родителях, брате, квартирах... Так вот с братом предстоит отдельный разговор, но это я уже отмечала в своем мозгу. И не это меня насторожило. А вот что? Я отметила, что неприятное ощущение какой-то нестыковки появилось у меня в голове именно после упоминания родителей Дины. «Наташа с Колей»... «Наташа раньше жила в той квартире, а потом к мужу ушла, к Коле». Но почему к Коле, когда?.. «Дина Владимировна Черемисина, двадцать три года», – прозвучал у меня в голове казенный голос диспетчера «Скорой помощи».

Приемный отец, что ли? Но Ольга Тимофеевна ничего не говорила такого. А уж не преминула бы, если бы что-то подобное было. Напутали в диспетчерской? Но они вообще-то педантично все записывают. Ошиблась сама Дина в предсмертных конвульсиях? Очень маловероятно. Можно напутать что-то с адресом, ошибиться в возрасте на годок, но с отчеством-то... Значит, что? Звонил другой человек? Кто? Настолько посторонний, что не знал отчества? Как тогда он попал в квартиру? Вернее, она, потому что звонила-то женщина. Собственно, это может быть и не таким уж странным: Дина была не очень-то щепетильна в выборе знакомых. И уж если оставляла ключи «кому попало», то в квартиру могли попасть многие.

Так, похоже, в диспетчерскую нужно поспешить. И не только для того, чтобы пообщаться с врачами, выехавшими по адресу Дины в день ее смерти. Нужно еще раз переговорить с диспетчером, принявшим вызов. Или, если ее нет на месте, посмотреть документы, в которых фиксируются вызовы.

Но диспетчер была на месте, хотя у нее только что закончилась смена, и я поймала ее прямо, что называется, на подножке уходящего троллейбуса. Женщина была не слишком в восторге от моего появления и весьма неохотно согласилась поднять документы.

– Вот, Дина Владимировна Черемисина, – прочитала она в своих бумажках. – Двадцать три года.

«Ей вообще-то было двадцать пять», – вспомнила я визит Леры и ее рассказ о школьных годах. Еще одна нестыковка.

– А вы не помните этот вызов? – обратилась я к диспетчерше.

– У меня, милая девушка, таких вызовов по сто на день, – снисходительно взглянула на меня сотрудница «Скорой помощи». – Конечно, не помню. Наше дело – все записать и отправить по адресу бригаду, чтобы человеку помочь можно было.

– А вот в этом случае помочь уже не удалось, – вставила я.

– Значит, поздно уже было, – не смутилась женщина. – У нас же молодые-то вызывают «Скорую» только тогда, когда уже на тот свет глядят. Им все кажется, что жизнь – игрушка.

– В общем, вы не помните, – разочарованно протянула я.

– Нет, – коротко ответила диспетчерша, и я, все равно поблагодарив ее за помощь, была вынуждена ретироваться.

Выйдя на улицу и полной грудью вдохнув опьяняющего весеннего воздуха, я почувствовала, что получила некий азартный импульс для продолжения своего копания в обстоятельствах смерти Дины Черемисиной. То, что мне удалось обнаружить, было... пусть и не очень подозрительно, а... В общем, оно содержало некую тайну. Возможно, эта тайна и яйца выеденного не стоит, а может, дело обстоит и по-другому. Во всяком случае, не так скучно будет во всем этом разбираться. К тому же «кости» мои, помнится, недавно что сказали? Чтобы не

задавалась я особо в своем скепсисе. А заявление моих волшебных помощников куда как важнее, чем путаница в отчествах.

Наступил уже вечер. Что ж, самое время для посещения семей трудящихся, к коим относятся и родители Дины Черемисиной. Адрес благодаря Лере у меня имелся, и я решила по максимуму использовать сегодняшний день – совершить все очевидные шаги, обычные для первого этапа расследования.

ГЛАВА 2

Наталья Борисовна и Николай Денисович были дома. Они встретили меня, не очень-то удивившись. Как выяснилось, Лера Павлова уже позвонила им и сообщила о том, что наняла частного детектива.

– Да, собственно, мы и не думали... Чего уж она так решила? – неопределенно пожал плечами глава семейства.

– Нет, это совершенно правильно, правильно! – возразила ему Наталья Борисовна.

Она сразу же взяла меня за руку, провела в комнату и, усадив рядом с собой на диван, продолжила бурно высказывать свое мнение:

– Вы поймите, это же все просто ужасно, ужасно! Она же была такая молодая, такая молодая! И они не смогли ее спасти... У нас такие сейчас врачи, потому что дипломы получают за деньги. А как сталкиваются с проблемой, ничего не могут сделать. Ведь когда мы учились, мы все просто полностью отдавались учебе, – она бурно всплеснула руками и обернулась к мужу.

Маленькой, хрупкой Наталье Борисовне было лет под пятьдесят, но за счет своего субтильного телосложения она выглядела моложе. Одета она была в какой-то балахон, заляпанный акварельными красками. В комнате у окна я заметила мольберт с неоконченной картиной, на которой было изображено нечто пока не совсем понятное. Короткая прическа и довольно милое личико матери Дины, ее балахон вкупе с мольбертом особенно на фоне ее супруга, плотного мужика с густыми усами, создавали впечатление женщины немного не от мира сего. И эта еще ее манера говорить – с придыханием, делая при этом круглые-круглые глаза... В общем, все это заставило меня подумать, что не зря в Дине соседки и подруга отмечали некую странность. Вот они где, наверное, генетические истоки той странности.

– Какое наполненное было время, когда мы учились! – продолжала восклицать Наталья Борисовна. – А сейчас... И молодежь живет совсем не так, не тем. А врачи – ну ведь как же так можно, а!

Она закачала головой.

– Они должны были на всех парах лететь туда, на всех парах! Потому что им сказали – двадцать пять лет человеку, отравление. Должны же были понимать, что речь идет не о чем-нибудь, а о жизни!

– А почему вы так уверены, что они приехали не сразу, как получили вызов? – перебила ее я.

– Но ведь тогда они должны были ее спасти, – округлила глаза Наталья Борисовна.

– А если они просто не смогли, потому что изначально было поздно?

– Нет, могли, – убежденно отвечала мать Дины. – Ведь они врачи, реаниматологи, они обязаны уметь возвращать человека с того света!

– Подожди, – вступил в разговор усатый папа Дины. – Там не все так просто было. Конечно, она не цианистый калий приняла, от которого раз – и все. Тут можно было попытаться... Я консультировался, у меня врач знакомый. Но... – он вздохнул, – все дело во времени. Просто она... поздно позвонила. Еще удивительно, как вообще позвонила, как смогла. Это мне тоже врач говорил.

Последние слова Николая Денисовича еще раз убедили меня в том, что «03» скорее всего набирала другая женщина. Не Дина.

– Вы уж постарайтесь, пожалуйста, приложить все усилия, чтобы они получили по заслугам, – категорично заявила Наталья Борисовна, у которой, видимо, было совершенно неверное представление о моей задаче.

Но это в данном случае было не так важно. Я пришла сюда для того, чтобы лучше представить себе Дину, ее окружение, характер, привычки. Словом, все то, что делает человека личностью и на основе чего можно потом строить предположения и версии. И очень надеялась получить такого рода сведения от ее родителей. Поэтому я не стала объяснять Наталье Борисовне, чем намерена заниматься в своем расследовании, а перешла к вопросам.

– Скажите, ваша дочь давно жила одна?

– Дина? – Наталья Борисовна закатила глаза к потолку. – С тех пор как умерла моя мама, значит, второй год пошел. Ах, это было ужасно! Знаете, это очень страшно в любом возрасте – потерять мать. Я тогда так переживала, просто сходила с ума... Меня словно свалил с ног невиданной силы шквал! – Черемисина резко выбросила левую руку вперед и вверх, как бы изображая тот самый шквал, иллюстрируя наглядно свои слова.

– И кто принял решение поселить туда Дину? – перебила я ее высокопарные восклицания.

– Ну... Мы все как-то так договорились, – снизила тон Наталья Борисовна. – То есть никто не возражал, здесь нам всем было уже довольно тесно. С нами же еще живет сын со своей семьей.

– Да, я знаю, – кивнула я. – Кстати, он дома?

– Нет, – ответила Наталья Борисовна. – Хотя они, кажется, должны скоро прийти с Ларисой... Ты не помнишь, что они говорили? – обернулась она с вопросом к мужу, и тот ответил:

– Кажется, собирались быть дома к восьми.

Наталья Борисовна, кажется, уже и не слышала его слов, потому что заговорила о другом:

– Когда Дина была маленькая, она часто болела. И меня это пугало. Я боялась, что она может умереть. Она вообще была слабенькая. Но вот так получилось, что в детстве она преодолела все болезни, а тут... Став взрослой, окрепнув, сформировавшись, она вдруг столь трагически, безвременно ушла из жизни.

По тону Натальи Борисовны могло показаться, что она произносит монолог в честь какого-то известного человека, талантливого и полного творческих сил, но абсолютно ей чужого. И вновь проявилась уже отмеченная мною манера говорить с каким-то завыванием, полупричитанием, как будто мать Дины выступала со сцены. Через минуту, после паузы она внезапно изменила стиль речи, словно сошла на землю с заоблачных высот искусства, и обратилась ко мне нормальным будничным тоном:

– Хотите курить?

Я не стала отказываться, и Наталья Борисовна придвинула мне пепельницу, полную окурков, закурив при этом сама сигарету с мундштуком.

– Наталья Борисовна, а что окружало вашу дочь вдали от вас? – невольно заговорила и я с неким пафосом.

– Что вы имеете в виду? – воззрилась на меня женщина, подняв тонкие светлые выщипанные бровки.

– Ну, чем она жила? Что у нее были за интересы, что за друзья?

– Друзья? Ну, друзья как друзья, – Черемисина пожалала узкими плечами. – Вот, с Лерой, например, она дружила, со школы еще.

– А еще с кем?

– С кем? – снова переспросила Наталья Борисовна и, досадливо поморщившись, стряхнула пепел. Мусора в пепельнице набросалась уже целая горка, и комочек пепла скатился на журнальный столик, но мать Дины не придавала этому значения. – Ах, ну я даже не знаю с кем! Я к ней туда нечасто ходила, чтобы не надоедать. И потом, у меня своя работа...

– А вы еще не на пенсии? – уточнила я.

– На пенсии, но я говорю не об этом. Я имею в виду мое творчество, – она кивнула на незаконченное полотно. – К тому же я занимаюсь изучением парапсихологии, так что времени

у меня практически нет. Человек ведь постоянно должен чем-то заниматься, нельзя давать мозгам закиснуть. А друзья у нее были нормальные, – заключила Наталья Борисовна, и я поняла, что никого из друзей своей дочери она не знает и никогда в глаза не видела. Кроме Леры, и то потому, что девчонки вместе учились.

– А с мужчинами она встречалась? Может быть, у нее был жених? – спросила я, предчувствуя ответ.

– Жених? Не знаю, может быть, и был, – развела руками Наталья Борисовна, и пепел с ее сигареты теперь упал на ковер на полу. – Наверняка она должна была с кем-то встречаться, она же молодая, современная женщина... Я просто считала бестактным задавать ей подобные вопросы, – Наталья Борисовна поджала тонкие губки, а я подумала, что, в общем-то, при теплых и близких отношениях между дочерью и матерью последней нет нужды задавать такие «бестактные вопросы», дочь обычно делится своими переживаниями сама. Но то, что отношения матери и дочери Черемисины не были теплыми и близкими, я уже поняла.

– Вот у меня в юности был один роман, – попыхивая сигаретой, увлеченно продолжала Наталья Борисовна, но я довольно резко оборвала ее:

– А молодой человек по имени Виктор вам не знаком?

– Виктор? Нет, не знаю, – Наталья Борисовна принялась тушить окурок, но в переполненной пепельнице это было сделать затруднительно, и она, поозиравшись, обнаружила на столике стаканчик с буроватого цвета жидкостью, в котором мокла кисть, и макнула сигарету туда.

– А вы? – посмотрела я на Николая Денисовича, но тот только пожал широкими плечами.

– Я почти все время на работе, – словно оправдываясь, произнес отец Дины.

– Боже мой! – простерла руки к потолку Наталья Борисовна, переходя на свой излюбленный патетический стиль. – Как горько, что в жизни не хватает времени на самое дорогое – детей!

Затем она перевела взгляд в сторону мольберта у окна и, взмахнув рукой, проговорила:

– Если бы не мое творчество, я бы точно сошла с ума!

«По-моему, мадам и так недалеко от этого», – усмехнулась я про себя, а вслух спросила:

– Скажите, пожалуйста, вы знали о том, что ваша дочь была беременна?

Николай Денисович сразу нахмурился и тоже закурил. Он ничего не отвечал мне, только хмуро покачивал головой.

– Нет, – беспечно махнула рукой его супруга. – Я думаю, что Дина и сама об этом не знала.

– Почему вы в этом так уверены? – уточнила я.

– Ну потому что иначе она рассказала бы нам, – как о чем-то очевидном, сказала Наталья Борисовна.

Но у меня на сей счет было иное мнение: я была просто уверена, что при существующих отношениях Дина вряд ли стала бы делиться с матерью такой проблемой. Если, конечно, беременность вообще являлась для нее проблемой. Может быть, совсем наоборот: девушка была счастлива возможности стать матерью и собиралась родить ребенка, а кто-то ей помешал это сделать? Ответа на вопрос у меня еще не было. Самое печальное, что и самые близкие Дине люди – ее родители – не могли пролить свет на данные обстоятельства.

– А вы знаете, какой срок у нее был?

– Срок? – вновь вскинула почти незаметные брови мать. – Н-нет... А разве это... То есть я хочу сказать, какое это теперь имеет значение?

– Так вот срок беременности составлял уже два месяца, – проинформировала я беспечную мамашу. – И значит, вряд ли ваша дочь могла не подозревать о своем положении, – усмехнувшись, пояснила я.

– Ну, я не знаю, не знаю! – досадливо отмахнулась Наталья Борисовна. – Я была слишком шокирована смертью дочери, чтобы интересоваться подобными вещами. Меня в тот момент охватило просто...

– А раньше ваша дочь не беременела? – быстро перебила я ее, опасаясь очередного «невиданой силы шквала».

– Простите, вы задаете такие вопросы, – завертела Наталья Борисовна в воздухе кистями. – Даже я не спрашивала о подобном Дину. Наверное, нет. Она бы сказала.

Собственно, свой вопрос я задала, чтобы попытаться определить, как бы отнеслась Дина Черемисина к такому событию в своей жизни, но уже и так ясно, что ответ на него придется искать где-то в другом месте.

– Ну что ж, – вздохнула я. – Тогда давайте поговорим вот о чем... Скажите, ваша дочь могла покончить с собой? И если да, то по какой причине? Вы же наверняка задумывались, почему в ее организме обнаружен яд?

– Я думаю, она просто ошиблась, перепутала лекарство, – тут же сказала Наталья Борисовна. – Знаете, у меня у самой так бывает. Меня часто мучают чудовищные мигрени, и мне приходится пить анальгетики просто килограммами, это ужасно! Немудрено, что можешь ошибиться. Представляете, однажды я случайно разжевала нафталин! Слава богу, вовремя спохватилась и выплюнула.

– Но ведь препарат, которым Дина отравилась, – средство, которым пользуются безнадежные астматики! – заметила я. – И такой препарат каким-то образом появился в доме вашей дочери, а ведь она не болела астмой. Спрашивается, как, для чего и кто приобрел лекарство? Ваша дочь? Или его кто-то ей дал? Опять же зачем?

Я в упор смотрела на Наталью Борисовну, пытаюсь всеми силами заставить ее сосредоточиться по максимуму и отнестись к гибели дочери серьезно, без ложной патетики. Но она смотрела на меня, хлопая широко распахнутыми глазами, которые поначалу показались мне симпатичными, а теперь выглядели откровенно глупыми.

– Иными словами, – вмешался тут Николай Денисович, – вы хотите спросить, не желали ли кто-то убить Дину?

– Именно, – кивнув, подтвердила я и обрадовалась, что отец Дины хоть как-то подключился к разговору. Может быть, теперь будет меньше уходов не в ту сторону и не относящихся к делу воспоминаний.

– На этот вопрос сложно ответить, – покачал головой Черемисин. – И, наверное, в конечном счете это должны сделать вы, не так ли?

– Разумеется, – усмехнулась я. – Я просто хотела, чтобы вы мне помогли. Невозможно проводить расследование, не обладая правдивой информацией.

– Согласен, – потер лоб Николай Денисович. – Но дело в том, что нам самим сложно сказать по данному поводу что-либо определенное. Кому, в сущности, Дина могла мешать? И чем? Ну, работала в своем театре, жила одна спокойно... Кто мог пожелать ее устранить?

– А кстати, о ее работе. В театре зарплаты не бог весть какие даже у ведущих артистов, не говоря уже о билетерах. Как ваша дочь воспринимала это? Почему она работала там? Может быть, она к вам обращалась за деньгами?

– Она просила у тебя деньги? – возникла Наталья Борисовна.

– Да нет, знаете ли, – покачал головой Николай Денисович. – Я пару раз спрашивал, не нужны ли ей деньги, но Дина сказала, что у нее все есть.

– Ах, она была такая скромная! – простонала Наталья Борисовна. – Такая неприхотливая, ей очень мало нужно было в жизни. Это у нее от меня. Я тоже всегда считала, что человек в первую очередь сыт духовной жизнью.

В этот момент открылась дверь, и на пороге комнаты появилась девочка лет пяти с двумя тоненькими косичками, в одну из которых была вплетена голубая лента, а в другую – красная. Голубой бантик развязался, и косичка почти расплелась. На руках девочка держала примерно годовалого малыша.

– Ты что, Катя? – повернулась к ней Наталья Борисовна.

– Бабушка, Кирилл просит есть, – проговорила девочка.

Малыш в подтверждение ее слов залопотал что-то и энергично задрогал ножкой.

– Ну покорми его сама! – пожала плечами бабушка.

– А чем? – продолжила выяснять девочка, и я подумала, что, должно быть, «духовная пища» является основной в этом доме.

– Ну посмотри в кухне, там должен был суп оставаться в кастрюле, – нетерпеливо отмахнулась Наталья Борисовна.

– Суп кончился, – не отставала девочка.

– Господи, Катя, ну посмотри в холодильнике! – раздраженно отмахнулась бабушка. – Что-то же там должно быть! Колбаса, кажется, еще оставалась...

Я не имею собственных детей и, честно говоря, не особенно разбираюсь в том, чем их следует кормить и с какого возраста. Но все-таки колбаса показалась мне не очень-то подходящей пищей для такого малыша. К счастью, Николай Денисович поднялся со своего места и, взяв мальчика у внучки, поспешил вместе с детьми на кухню. Наталья Борисовна вздохнула и нервно поправила челку.

– Так о чем мы говорили? – спросила она, потирая виски.

– О Дининой работе и о том, не нуждалась ли она в средствах, – напомнила я.

– Ах, да! Нет, ей всего хватало. Да и на что ей особенно было тратить-то? – недоумевала мать. – Она была одета, обута, жила в отдельной квартире...

– Но ведь ей нужно было питаться да еще коммунальные услуги оплачивать, – начала уже недоумевать я, потому что, честно говоря, не представляла себе, как можно молодой женщине жить на тысячу с небольшим в месяц.

Конечно, так живут многие пенсионеры и очень бедствуют при этом, но они хоть какие-то льготы имеют: бесплатный проезд и скидки на оплату квартиры, на лекарства... Дина же не имела никаких льгот. Действительно ли, она была такой неприхотливой скромницей? Неужели родители совершенно не заботились о дочери? Мне казалось, что такого просто не может быть. Тем более, мне тут вспомнилось, соседка Дины, Ольга Тимофеевна, упоминала, что Николай Денисович занимает какую-то приличную должность, так что деньги в доме должны водиться. Меня неожиданно охватила злость на эту странную, не от мира сего семейку, а в особенности на витающую в облаках Наталью Борисовну, которая, похоже, не видела ничего дальше своих творческих упражнений, думала, что питается одной только духовной пищей, и считала, что все должны ею довольствоваться.

Интересно, что представляет из себя младший брат Дины? Мне уже хотелось познакомиться с ним поскорее, чтобы разобраться в характерах всех членов семьи Черемисиных.

Я взглянула на часы и обнаружила, что время приближается к восьми. Что ж, имеет смысл подождать – может быть, он скоро придет, как и обещал. Тем более что Наталья Борисовна, кажется, нисколько не тяготилась моим присутствием. Воспользовавшись тем, что я молчу, она принялась вовсю разглагольствовать на тему выбора цветов в палитре Малевича, я же была погружена в собственные мысли, благо впечатление при этом создавалось, что я внимательно слушаю. Ее красочный монолог, прерываемый всплесками рук и восторженными вздохами, закончился вместе со звонком во входную дверь. Наталья Борисовна, вещавшая как раз о «Черном квадрате», застыла с закатившимися глазами, затем быстренько пришла в себя и проговорила:

– Ну вот, это, наверное, Игорь с Ларисой вернулись.

Вскоре в комнату вошел совсем еще молодой мужчина, чуть выше среднего роста, очень коротко и аккуратно подстриженный. Прическа его показалась мне похожей на армейскую стрижку – та же аккуратность, строгость и абсолютная безыскусность. Голубая рубашка и довольно дорогие джинсы сидели на нем как военная форма, и двигался он при этом так, словно маршировал.

Из-за его спины выглядывала невысокая девушка с милостивым лицом, собранными в пушистый хвостик пышными каштановыми волосами и чуть вздернутым острым носиком. Она производила впечатление особы очень мягкой и женственной.

– Игорь, вот у нас в гостях частный детектив Татьяна, прошу любить и жаловать! – широко повела рукой в мою сторону Наталья Борисовна. – Я уверена, что она сможет доказать, что смерть Диночки произошла из-за халатности врачей.

У меня, понятное дело, были совершенно иные цели, но я не стала сейчас выносить их на общее обсуждение.

– Здравствуйте, – сделав четкий шаг в мою сторону, произнес Игорь, а затем, посмотрев на меня в упор, отрывисто спросил: – Кто вас нанял?

– Подруга вашей сестры, Лера, – честно ответила я.

– Так... понятно... – делая паузы после каждого слова, проговорил Игорь. – Как давно вы занимаетесь частным сыском?

Вопросы свои он задавал тоном типичного следователя-дуболома, не очень-то заботясь при этом, чтобы они звучали хотя бы вежливо.

– Несколько лет, – спокойно ответила я.

– Понятно... Ну... И какие успехи? – продолжал допрос Черемисин-младший, по-прежнему стоя рядом со мной и глядя на меня сверху вниз.

– Что касается смерти вашей сестры, то я совсем недавно приступила к расследованию и пока не могу сказать ничего определенного, – сообщила я, решив не одергивать этого солдафона, чтобы не портить с ним отношения до поры до времени. Игорь Черемисин показался мне человеком упрямым, категоричным и авторитарным. И если вдруг он сейчас по какой-то причине обнаружит ко мне антипатию, то на контакт с ним рассчитывать не придется, а мне это совершенно не нужно.

Жена же его произвела на меня на первый взгляд совершенно обратное впечатление. Она тихонько прошла, села в кресло и дружелюбно поглядывала на меня, слегка улыбаясь. Маленький Кирилл подбежал к ней и, радостно лепеча, уткнулся в колени. Женщина взяла его на руки и принялась ласково гладить по голове.

– Я уже сказала Татьяне, что смерть нашей дочери на пятьдесят процентов – вина случайности и на пятьдесят же – вина врачей, – продолжала Наталья Борисовна. – Она перепутала флаконы, приняла эту отраву, а врачи, как всегда задержавшись, не успели ей помочь.

– Ваша дочь приняла не одну таблетку, не две и даже не пять, – покачала я головой. – Поэтому я не стала бы делать столь скоропалительных выводов, рассуждая о случайностях. В связи с чем хочу задать вот какой вопрос – допускаете ли вы мысль, что это было самоубийство?

– Самоубийство? Это вам, конечно, в милиции сказали! – махнула рукой Наталья Борисовна. – Наверняка чтобы выгородить врачей, у них одна шайка-лейка. Ну подумайте сами, с какой стати Дине так поступать?

– Хотя бы по причине той самой пресловутой беременности, – предположила я.

– Да что вы! Дина не стала бы так делать! В конце концов не такая уж это проблема для современной женщины, она бы ее решила! – эмоционально заговорила Наталья Борисовна, считавшая, видимо, что ее дочь должна была решать абсолютно все проблемы сама, без всякого вмешательства со стороны матери. – Вот с нами в институте училась одна девушка – она сейчас работает в салоне красоты, – и она умудрилась забеременеть уже на первом курсе. Так вот, мы все...

– А по какой еще причине ваша дочь могла пойти на такой шаг? – я перестала считаться с правилами этикета и довольно бесцеремонно перебивала мать Дины, когда она начинала сбиваться на посторонние темы. – Могло ли быть в ее жизни что-то, что заставило бы ее так поступить?

– Я, право, не знаю, – тряхнула маленькой головкой Наталья Борисовна. – Жизнь – самое прекрасное, самое дорогое, что нам дано! Как же можно добровольно отказываться от столь бесценного дара? Это просто кощунственно! В прошлое воскресенье я ходила в церковь и долго беседовала там с отцом Константином. Он удивительно тонкий человек! Так вот, мы оба с ним пришли к такому интересному выводу...

– Наташа, я сейчас уже уезжаю, – неожиданно пришел мне на выручку заглянувший в комнату Николай Денисович. – Тебе привезти что-нибудь?

Наталья Борисовна, застывшая со вскинутой вверх кистью, встрепенулась.

– Да, конечно! Банку «Нескафе», а то уже заканчивается. И те таблетки, что ты покупал в прошлый раз, – они великолепно снимают не только головную боль, но и общую усталость. К тому же стимулируют работу головного мозга. Да, еще, знаешь...

Наталья Борисовна поднялась и пошла за мужем в прихожую, продолжая пополнять устный список нужных ей вещей. Кстати, списочек выходил не на одну сотню рублей. И мое предположение о том, что в доме Черемисиных не бедствуют, нашло прямое подтверждение.

Воспользовавшись ситуацией, я улыбнулась Игорю с Ларисой и спросила:

– А мы не могли бы поговорить с вами отдельно? К Наталье Борисовне у меня больше нет вопросов, и мне не хотелось бы отвлекать ее от работы.

Лариса только вопросительно посмотрела на мужа, и когда тот, тряхнув массивной головой, коротко произнес: «Да. Идем», заулыбалась и с ребенком на руках двинулась вслед за нами.

В комнате Игоря и Ларисы, в отличие от родительской, где все стараниями Натальи Борисовны пребывало в так называемом творческом хаосе, порядок царил образцовый. Прямо даже, можно сказать, стерильный и немного... казарменный. Мне вдруг стало ужасно любопытно, а как выглядит детская комната? Ведь она должна формироваться одновременно и Игорем, и его матерью, а их приоритеты в быту, чувствуется, весьма разнятся. Даже странно: при столь расслабленной и распушенной матери такой подтянутый и дисциплинированный сын! Видимо, в Наталью Борисовну больше пошла Дина, а в Игоре возобладали гены не материнские.

– Садитесь, – коротким жестом показал Игорь на кресло, покрытое зеленым покрывалом, и сам устроился напротив меня точно в таком же. Лариса с сыном расположились на диване.

– Скажите, пожалуйста, вы навещали Дину на ее квартире? – задала я первый вопрос.

– Иногда, конечно, навещали, – по-прежнему чеканя слова, ответил Игорь.

– У нас дети маленькие, – с извиняющейся улыбкой, словно оправдываясь, проговорила Лариса. – Все время некогда...

– Вы считали это правильным, что она жила одна?

– Я считал неправильным! – категорично заявил Игорь и в подтверждение своих слов резанул ладонью по воздуху.

– Вот как? – заинтересовалась я. – А почему?

– Потому что нельзя ей было одной жить! Вот к чему это привело. Не смогли ей привить самостоятельности и ответственности!

– Но, наверное, она все-таки была самостоятельной, если второй год жила одна? – предположила я.

– Ничего подобного! – не согласился Игорь.

Он резко поднялся с кресла и начал ходить по комнате взад-вперед, чуть ли не печатая шаги, как солдат на плацу.

– Дина не умела отвечать за себя! В доме у нее творился полный бардак. К ней приходило всякое отребье, которое нужно было гнать поганой метлой...

Для убедительности Игорь изобразил весьма говорящий жест изгнания отребья, гостей сестры, поганой метлой.

– Ну, Игорь, зря ты так, – робко попробовала возразить Лариса. – Друзья, конечно, не самые лучшие у нее были, но все-таки Дина нормально справлялась сама...

– Ничего не нормально! – резко прервал ее Игорь. – Я лучше тебя ее знаю. И я знаю, что говорю! Она всегда была инфантильной. Несмотря на то что я младше, я всегда был взрослее и ответственнее. Вот так! И спорить тут не о чем.

– Дина, конечно, была не очень практичной девочкой, но тем не менее доброй, отзывчивой, – примиряюще улыбнулась Лариса. – И достаточно ответственной в отношении себя. Она же работала, сама себя содержала.

– Это неважно! – отрубил Игорь. – Ты видишь, к чему привело ее житье-бытье. Я говорил матери, но с ней... бесполезно.

– То есть вы считали, что Дине лучше жить в семье, так? – сделала я вывод из категоричных высказываний бравого братца погибшей девушки.

– Однозначно! – подтвердил Игорь.

– Но это, наверное, было нереально? – предположила я. – По словам Натальи Борисовны, вам и так здесь тесно. Где же было разместить еще и Дину?

– Ничего, нашли бы место! – Игорь был непреклонен. – В той же детской, например. Тем более что она всегда любила с детьми возиться. И в театр этот пошла наверняка, чтобы к детям поближе быть.

– Значит, Дина любила детей... – задумчиво проговорила я.

Если это действительно так, то вряд ли к собственной беременности она отнеслась бы просто как к досадной проблеме, которую можно решить за один день. Наверняка думала, переживала, анализировала... К какому же выводу она пришла, что решила сделать, как поступить? Может быть, именно нежелание избавляться от ребенка, убежденность, что аборт – это грех, толкнула ее на такой шаг? Но ведь самоубийство – еще больший грех с религиозной точки зрения.

Я бросила взгляд в угол комнаты – там висело несколько икон. Мне стало любопытно, чья же рука их повесила. И вообще интересно, каково было отношение самой Дины к богу?

– Это ваши иконы? – кивком головы показала я.

– Да, – тут же ответил Игорь и заинтересованно посмотрел на меня.

– То есть вы увлекаетесь религией?

– Религией нельзя увлекаться, – Игорь вернулся в кресло, с размаху опустил в него и продолжил: – Ты или веришь, или не веришь. Вот и все.

– То есть вы верите?

Игорь неожиданно смутился, как будто я задала ему бестактный вопрос о том, когда он последний раз спал с женщиной, опустил глаза и тихо произнес:

– Ну, верю...

– Он у нас верующий, – с улыбкой подтвердила Лариса. – И обещал к сорока пяти годам уйти в монастырь.

– Ну, это будет еще не скоро, – бросила реплику я.

– Неважно, – отрубил Игорь, возвратив себе категоричность выражения своих мыслей. – О чем мы говорили? А, ну да, о моей сестре. Я не удивлен тем, что произошло. Это должно было случиться, потому что... должно было. Не могло не случиться, потому что она... катилась вниз просто, и все. Я давал ей читать Библию, книги... Она прочитала, вроде как-то стала более-менее себя держать, а потом снова... – Игорь махнул рукой.

– А что вы знаете относительно ее жениха?

– Жениха? – Игорь быстро взглянул мне прямо в глаза и первый раз за время нашего разговора улыбнулся. – Жениха? – повторил он и вдруг совершенно неожиданно громко рассмеялся. – Жениха! Ха-ха-ха! Вот самая лучшая шутка этого месяца! – восторженно воскликнул он.

Мне оставалось только удивляться подобной реакции. Хотя, если поразмыслить, удивляться нечему. Мать не от мира сего, Дина, по словам многих, «чудная», вот и братец тоже, при внешней железобетонности, склонен эпатировать общественность.

– У Игоря не укладывается в голове, что у Дины мог быть жених, – спокойно объяснила вспышку веселости мужа Лариса. – Он считал, что она входила в тусовка, где такие слова не в ходу.

– И правильно считал, – возвратив серьезность на свое лицо, нахмурился Игорь. – Женихов не было. Были одни хахали. Вот и все.

– И молодой человек по имени Виктор вам незнаком?

– Я вообще там с ними... не знакомился... Поэтому Виктор, Гектор – мне все равно! – сказал, как отрезал, Черемисин.

– А помимо Виктора, кто-то из приятелей Дины вам знаком?

– Нет.

– Но вы же только что упоминали некое «отребье». Значит, имели в виду кого-то конкретно?

– Не то что бы конкретно, а... всех! – махнул рукой Игорь. – Мы как-то пришли... А там – целое сборище. И все... ненормальные! – отрывисто продолжал он. – Ну, я их всех... разогнал. А Динке сказал: будешь привечать – домой отправлю!

– Игорь не любит подобное общество, – вступила Лариса. – И знаете, там действительно собрались люди... неформальные. Собственно, оно само по себе бы еще и ничего, но... они вели себя не очень хорошо.

– В каком смысле? А как именно? – уточнила я.

– Ну так, словно они хозяйка в квартире, – старательно подбирала слова жена Игоря. – На нас смотрели так, словно мы приперлись в их дом и помешали им. Но главное, что особенно не понравилось мне, – подчеркнула она, – Дина перед ними словно бы заискивала. Как будто боялась их чем-то рассердить или обидеть. А когда Игорь их выгнал, она расплакалась, кричала, пыталась протестовать...

– Да она просто лебезила перед ними! – вышел из себя Черемисин. – Потому что голова у нее... не соображает. Да, она боялась их обидеть... А сама не понимала, что такие люди не способны обидеться, что назавтра они сами припрутся и ее же... извиняться заставят.

– А что ее так влекло к подобным людям, почему она была заинтересована в общении с ними? – спросила я.

– Мне кажется, она очень боялась остаться одна, – высказала свое мнение Лариса.

– Только это? Причины психологического свойства? Или же их связывали какие-то дела, которые приносили ей конкретную выгоду?

– Нет! – решительно заявил Игорь. – С такими людьми никаких дел быть не может! Просто она... никогда не умела выбирать друзей. Всегда боялась, что ее бросят. Была очень неуверенной в себе и радовалась, что к ней ходит хоть кто-то.

– То есть у вашей сестры, как я поняла, страдала самооценка, – сделала я вывод.

– Вот именно! – ответил Черемисин, а Лариса глубоким вздохом подтвердила мое предположение.

– Но может быть, ей следовало обратиться к психологу? Вы сами не старались ей помочь? Тем более что вы такой уверенный в себе и решительный человек, – посмотрела я на Черемисина.

Он от моих лестных слов удовлетворенно улыбнулся и расправил плечи.

– А я пытался, – тут же сказал он. – И сам с ней беседовал, и психолога ей нашел. Вернее, Лариса нашла.

Теперь мой взгляд переместился уже на девушку.

– Да, – ответила та. – У меня есть знакомый, с университетских времен. Я училась, а он уже преподавал психологию. Мы немного дружим, у меня есть его телефон... И когда Игорь заикнулся о проблемах Дины, я позвонила ему. Он согласился помочь. Поработал с Диной, а потом... Потом она почему-то неожиданно отказалась от его услуг.

– Почему же? Может быть, ей тяжело было их оплачивать? – предположила я.

– Поначалу Максим работал с ней бесплатно, – возразила Лариса. – Провел несколько сеансов, а потом, когда сказал, что предстоит серьезная работа, мы сами предложили ему деньги. И Игорь регулярно платил.

– Я ей сразу сказал: я заплачу сколько надо, – вступил Игорь. – Советовал продолжать сеансы, тем более что Максим уверял, что результат уже есть. А она... заупрямилась... как полная дура!

– Мы сами удивлялись, почему она так резко все оборвала, – развела руками Лариса. – Я говорила с Максимом, и он сказал, что сам в недоумении. В общем, все разрушилось...

– А когда это случилось? Когда она отказалась от его услуг?

– Месяца три назад, наверное, – наморщила лоб Лариса и повернулась к мужу. – Так, Игорь?

– Да, примерно так, – серьезно кивнул он.

– Может быть, ей было некомфортно именно с этим психологом? – пробовала выстраивать я версии.

– Нет-нет! – Лариса широко раскрыла глаза. – Она даже привязалась к нему, и я немного побаивалась, чтобы она не влюбилась. Знаете, так порой происходит: женщина может влюбиться во врача, который ее лечит, или в психолога, который консультирует.

– И что же, Дина тоже влюбилась?

– Ну... – Лариса смутилась. – Поначалу вроде бы да, но потом все изменилось. Я поняла, что ничего опасного для нее нет, и успокоилась. С Максимом тоже говорила, и он объяснил, что всегда, со всеми ведет себя ровно, так как обязан абстрагироваться от чувств клиента к нему как к мужчине.

– Я буду вынуждена попросить у вас адрес или телефон Максима, – сказала я.

Игорь было нахмурился, но Лариса, не заметив этого, с готовностью отреагировала:

– Да, конечно. Я сейчас принесу блокнот.

Когда она вышла из комнаты, Игорь спросил:

– Вы считаете, что Дину убили?

– Не знаю точно, – честно ответила я. – Но подозрение такое есть, иначе не было бы смысла продолжать расследование. Я вас хотела спросить вот еще о чем: вы-то сами придерживаетесь какой версии?

– Не знаю, – вздохнул Черемисин. – Сестра могла, конечно, наглотаться таблеток, а потом перепугаться и вызвать «Скорую». Но... Вроде бы не из-за чего ей было это делать. Но вот если ее убили... Тогда это только те... тусовщики! Больше никому. Кто еще станет убивать ее?

– А если все-таки наглоталась таблеток, то что могло ее сподвигнуть на самоубийство?

– В первую очередь – несчастная любовь, – ухмыльнулся Игорь. – Стандартная причина для подростков. А Дина была взрослой только по паспорту. И она скорее наложила бы на себя руки, если бы ее бросил возлюбленный, чем если бы, например, осталась без работы, без жилья и без средств к существованию. Она стала бы бомжем и чувствовала бы себя при этом совершенно нормально.

– Значит, несчастная любовь... – задумчиво проговорила я, и тут в комнату вернулась Лариса с листочком бумаги в руке.

Взяв его, я прочитала «Пименов Максим Алексеевич». Далее следовал номер домашнего телефона.

Поблагодарив супругов Черемисиных-младших, я наконец распрощалась с ними и покинула их дом. Наталья Борисовна провожать меня не вышла. Дверь в ее комнату была закрыта, и из-за нее доносились строчки стихов, декламируемые протяжно, нараспев, на высшей точке патетики.

Итак, прокручивая в голове всю информацию, полученную у Черемисиных, я ощущала полный хаос. Столь разные характеристики от разных членов семьи, не совпадающие точки зрения на случившееся, различные версии... Предстояло четко отделить факты от эмоций и предположений.

Факты были скудными: Дина Черемисина жила одна на мизерную зарплату, при этом охотно привечала неформалов, в общении с которыми нуждалась, так как была очень одинока и не избирательна в вопросе, с кем дружить, а с кем не стоит. Некоторое время занималась с психологом, а примерно три месяца назад занятия неожиданно бросила. Жизнью своей была вроде бы довольна и к родителям не просилась. Покончить с собой могла от несчастной любви, но такой на горизонте вроде бы пока не наблюдалось. А двадцать третьего марта она вдруг наглоталась таблеток. Но «Скорую» не вызывала! А вот кто ее вызвал и почему, я по-прежнему не знала. И несмотря на то что после беседы с Черемисиными я гораздо лучше представляла себе и Дину, и обстановку, в которой она жила, я по-прежнему не знала, что же произошло у нее дома в тот роковой день, двадцать третьего марта.

Версия Натальи Борисовны не представлялась мне интересной, и свои контраргументы я уже привела матери Дины. Безусловно, многое мог прояснить психолог Максим, но в тот вечер я не смогла дозвониться до него. Телефон выразительно посылал мне в уши длинные гудки, говоря о тщете моих усилий. Ничего не оставалось, как в ожидании завтрашнего дня лечь спать.

ГЛАВА 3

Я подъехала к двухэтажному дому старинной постройки, в центре города. Пройдя сквозь дурно пахнущий коридор, я принялась искать табличку с номером шесть. И закон подлости, увы, восторжествовал – я последовательно обнаружила все номера с первого по пятый, прошла дальше, но на следующей площадке квартиры нумеровались с восьмой по десятую. Черт знает что!

Я выругалась и позвонила наобум в восьмую квартиру. Залаяла собака. Этого еще не хватало! Ко всему прочему из глубины квартиры послышался недовольный старушечий голос. Я приготовилась к нудному, изнурительному общению. Я не подозревала, правда, что оно ко всему прочему будет проходить еще и через дверь, под аккомпанемент лая собаки и визгливых попыток старухи утихомирить свою домашнюю живность.

– Кого вам? Вы к кому?

– К Виктору Мироненко, – честно ответила я.

– Таких нет здесь! Нет здесь таких!

– А квартира шесть где находится?

– Не знаю! Да прекрати ты, что ли! – это, видимо, относилось не ко мне, а к собаке. – Квартира шесть, что ли, вам нужна? – а вот это уже ко мне. – Так это пройдите в конец двора, там заверните налево и постучите в окно!

– В какое окно, бабуля? – переспросила я.

– В окно! – по-прежнему не устаивая меня чести лицезреть ее лично, выкрикнула через дверь старуха.

Да, день начинался не слишком удачно. Однако решив, что не стоит терять присутствие духа из-за такой, в сущности, ерунды, как немного затянувшиеся поиски квартиры, нужной мне, я прошла через двор и увидела в одном конце дома какие-то двери. Но вид их никак не свидетельствовал о том, что они ведут в жилые помещения, однако я все же обнаружила окно, в которое советовала мне постучать бабулька с собакой.

Довольно долго никто не откликнулся на мой стук, и я уже подумала, что визит в этот старый тарасовский дворик придется повторить. Однако неожиданно за окном шевельнулась занавеска, и я увидела усатенькую очкастую физиономию. Кроме всего прочего, физиономия показала мне немного напуганной.

Немного погодя рядом в стене открылась дверь, и невысокого роста молодой человек предстал передо мной на пороге.

– Вы Виктор Мироненко? – спросила я.

– Да, я, – недоуменно ответил парень.

– Очень хорошо, а я занимаюсь расследованием смерти вашей подруги Дины, – сообщила я ему.

– Вот как? – после паузы вымолвил Виктор, и испуг на его лице проступил еще более явственно.

– Пройти-то можно? – слегка насмешливо осведомилась я.

– Да, конечно, проходите, – засуетился Виктор.

Закрывая за мной дверь, он зачем-то огляделся по сторонам – явно беспокоился, не стал ли кто из соседей свидетелем нашего разговора и моего визита. Странное, однако, поведение у молодого человека. Я прошла внутрь, инстинктивно нагнувшись под низкой притолокой в дверном проеме, столь характерной для домов старого жилого фонда.

– Здесь не очень прибрано... Пожалуйста, не обращайтесь внимания, – смущенно пробормотал Виктор, указывая мне путь.

Я прошла через полутемную комнату в дальнюю, в которой находились диван, старый телевизор и компьютер.

– Садитесь сюда, – Виктор в быстром темпе очистил стул, на котором были навалены какие-то бумаги и журналы. – А, подождите меня, пожалуйста...

Он что-то вспомнил и быстро пошел через полутемную комнату на кухню. Вскоре он вернулся с тарелкой, в которой плавала дешевая лапша быстрого приготовления.

– Я тут поем, с вашего позволения, – не смущаясь, сказал Виктор. – А то мне в редакцию скоро, я не успеваю.

«В общем, парень живет небогато», – сделала вывод я. На вид Виктору можно было дать лет под тридцать, вероятно, из-за усов с бородкой. А вообще-то, наверное, ему поменьше.

– Так что вы хотели у меня узнать? – с чмоканьем уплетая лапшу, спросил Мироненко.

– Я пока что мало знаю о Дине и обстоятельствах ее смерти, – чуть слукавила я. – Поэтому мне будет интересно все, что с ней связано.

– Дело в том, что мы с Диной последний раз встречались за три недели до ее смерти, – спокойно сказал Мироненко. – Так что я практически ничего не могу сказать о том, как она жила последнее время.

– Вот как? – удивленно приподняла я брови. – А мне говорили, что вы были ее другом.

– Ну да, был... – тут же отреагировал Мироненко. – Но... Это было давно. Я познакомился с ней около года назад. Меня редакция послала в театр кукол писать статью о тяжбе с городской администрацией относительно помещения. А там смотрю – девушка стоит, тихая такая, задумчивая... Я подошел к ней, завязал разговор. Так и познакомились.

– И между вами возникли близкие отношения? – продолжила я.

– Ну да... Со временем. Точнее, через неделю.

– Ну, и как же они развивались?

Виктор отодвинул опустошенную от лапши тарелку, вытер усы и потянулся за сигаретами.

– А почему вы этим интересуетесь? Вы что, считаете, что она из-за меня покончила с собой? Вернее, из-за наших отношений? – его глаза смотрели на меня как-то насмешливо.

– Этого я еще не знаю, поэтому и интересуюсь. Если бы я была убеждена в том, что причина смерти Дины – вы, то вряд ли задавала бы вам эти вопросы. Я бы действовала другими методами.

– Ну, ладно, я отвечу, – как-то нервно выдохнул Виктор. – Одним словом, наши отношения можно было считать уже законченными.

– Это вы так считали? Или Дина тоже?

– Скажем так, мы обсуждали это. Как раз три недели назад.

– И как же прошел разговор?

– Очень спокойно, – с некоторым вызовом сообщил Мироненко. – Очень спокойный у нас был разговор. Дело в том, что фактически отношения наши закончились... – он наморщил лоб, – в конце прошлого года. Я как раз уехал перед праздниками домой, в район, к родителям. Там я заболел, пришлось остаться и даже лечь в больницу. Вернулся я в город только в конце января. То есть мы с Диной не виделись целый месяц.

– Но это не такой уж большой срок, чтобы разрушить прочные отношения.

– Да кто вам сказал, что наши отношения были прочными! – вспыхнул Виктор. – Вот эта разлука и показала, какими они были.

– Хорошо. Но ваша встреча с Диной все-таки состоялась. И именно тогда вы решили расстаться. Тогда скажите, кто был инициатором разрыва?

Виктор немного подумал, потом осторожно произнес:

– Инициатора, по сути, не было. Когда я зимой пришел к ней после приезда, то почувствовал, что в ней что-то произошло, поменялось... Я не стал оставаться у нее в тот вечер,

а потом просто перестал звонить и приходить. То есть произошло все само собой. И только перед Восьмым марта я случайно встретил ее на улице. Слово за слово, разговорились. Дина в хорошем настроении была, пригласила меня домой. Но мы уже вели себя как друзья, а то, что было раньше, просто осталось в прошлом. Сначала посидели, поболтали, а потом вскользь поговорили о наших отношениях. Я сказал, что, наверное, хорошо, что мы вот так легко можем вести себя друг с другом. Обычно бывшие любовники по-другому расстаются. Дина согласилась. На этом мы и закончили разговор, перевели его на какую-то другую тему, более нейтральную. Потом я поздравил ее с Восьмым марта, поцеловал в щечку и ушел... Больше я ее... не видел, – Виктор опустил голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.